

НАШ СОВЕЩАТЕЛЬ

Главный режиссер Московского Художественного академического театра им. А. М. Горького, народный артист СССР, лауреат Государственных премий

Олег Николаевич ЕФРЕМОВ

В воспоминаниях драматурга А. Володина я прочел об Олеге Ефремове поразившую меня фразу: «Я знаю его 10 лет, но он до сих пор для меня загадочен». Позднее из книги воспоминаний известного режиссера М. Кнебель узнал о его «легкости воображения, чуткости в восприятии режиссерских указаний, умении ощутить авторский замысел». Все это совпадало с моим собственным представлением. Но вот... термин «загадочен»...

Должен сразу предупредить: никаких разгадок после встречи с О. Н. Ефремовым я не сделал. Ибо нет и особых «тайн» у большого художника. Есть талант. И еще — простота. В речи, манерах, одежде...

«...Судите о нас по спектаклям»

— Мы встречаемся с вами сразу после экзаменов в школе-студии МХАТа, где вы заведуете кафедрой мастерства актера. Ваши впечатления от своего курса?

— Это не просто переводные экзамены. Мой третий курс — в преддверии дипломов.

В целом я им доволен. И, главное, тем, что ребята уже не только умом, но и каким-то, я сказал бы, существом своим актерским усвоили основную ценность искусства, которое нам завещали Станиславский и Немирович-Данченко: быть живыми на сцене, создавать правдивые образы. Думаю, они созрели, чтобы играть спектакли.

— Ваша педагогическая деятельность, наверное, сказывается на режиссуре?

— По-моему, это насильственное разделение. У нас действительно есть тенденция отделить режиссера от педагога. Существуют даже градации: режиссер-постановщик, режиссер-педагог и просто режиссер. При этом мы забываем, что любая режиссерская работа всегда обязательно и педагогическая.

— Уже 11 лет вы занимаете должность главного режиссера МХАТа. Изменилось ли место проблемы режиссуры среди других мхатовских проблем, выросло ли ее значение за эти годы?

— Должен сказать, что да. Помню, когда я приступил к своим обязанностям, мы в первую очередь думали об авторах и о пьесах. Очень остро стоял вопрос о труппе. Сейчас, то ли время уже такое, то ли это только во МХАТе, прежде всего начинаешь думать о режиссуре — о тех, кто эти пьесы будет ставить. Сегодня проблема режиссуры для нас самый жгучий и насущный вопрос.

В конце концов классика да и лучший советский репертуар обширны. Талантливых авторов много. Но искусством сегодняшнего театра, превращением пьесы в спектакль, разумеется, владеет режиссер. Все зависит в огромной степени от него. Поэтому планы по каждому спектаклю связываешь с конкретными именами режиссеров.

Так, я с надеждой доверяю постановку Шекспира Анатолию Васильеву. А Юрия Трифонова — ленинградскому режиссеру Льву Додину. Хотя каждый из них еще молод как режиссер.

— Но ведь у новых режиссеров порой не выработан общий язык с актерами...

— Это преодолимо. Могу показать на примере моей постановки в Софии пьесы Шатрова «Большевики». Понятно, общий язык с актерами там началу тоже выработан не был. Среди них были и представители другой манеры игры. Их надо было как-то объединить. А ведь это была документальная драма, где задачи достоверности и правдивости стояли в первую очередь. Надо было познаться с актерами, получше узнать их возможности, степень того, что они не совсем хорошо представляют. Надо было им подсказать, как события развивались на деле, когда пафос проявлялся не внешне...

Вспоминая эту поездку, радуюсь за болгарских товарищей. Среди них много талантливых актеров. А народный артист Болгарии Иван Кондов с точки зрения органики, правды мог бы дать сто очков вперед некоторым мхатовским актерам.

— Но вообще вы не так уж часто выезжаете за рубеж?

— Еще я поставил в Венгрии «Утиную охоту» А. Вампилова. Хватает и всесоюзных маршрутов. Свердловск и Челябинск, Днепродзержинск и Днепродзержинск, Киев...

— И могу «подсказать» — Подмоскówek. Всякий раз, когда бываю в Коломне и стою возле Вечного огня, вспоминаю, как в 1974 году вот так же стояли здесь мхатовцы — часть вашего коллектива, впервые выехавшая для постановки премьеры на село. Тогда был поставлен спектакль «Иван и Ваня», прошедший в Коломне, Луговцах, Зарайске, в селах этих районов. Приходилось ли вам после этого выступать в сельских клубах? Как используются выводы, сделанные из подмосковной поездки?

— Поездка была очень ценной для коллектива МХАТа, и театр по мере возможности продолжает выезды на село. К сожалению, эта работа происходит пока бессистемно, от случая к случаю. Следует иметь в виду, что для подобных гастролей нужны определенные условия эксплуатации спектаклей, ибо то, что мы ставим, рассчитано на

громадные сцены, масштабные декорации и, как правило, не может играть в сельских клубах. В таких случаях перед нами стоит задача делать варианты спектаклей для выездных выступлений.

Подмосковная поездка лишней раз показала, что для таких гастролей нужны специальные декорации и даже специальный репертуар. И еще многое другое, предназначенное для сельской сцены.

Пользуясь случаем, хочу выразить пожелание, чтобы от нас больше требовали областные организации. Да, не удивляйтесь: нас надо тормозить! Ведь все мы загружены своими делами, и лишней раз напомнить нам не помешает. Такая заинтересованность была бы взаимно полезной.

— Несколько слов о музее МХАТа. Какую пользу он вам приносит? Как соприкасается с его нуждами главный режиссер?

— Всегда, когда мы ставим спектакли, музей помогает нам архивными документами, устраивает выставки, берет на себя всю иконографическую подготовку. Выставки проводятся в наших ретелиционных помещениях и, конечно, в фойе. Это очень помогает в работе да и зрителям дает возможность соприкоснуться с эпохой, с автором.

Так, по чеховской «Чайке» музей сделал такую выставку, что ее потом даже жалко было разрушать. Она состояла из фотодокументов, на которых, кроме окружения писателя, были еще и типы его эпохи, костюмы, живопись, места, близкие к обстоятельствам пьесы. Проявилось огромное понимание Чехова и его времени, что способствовало работе труппы.

— Да, много воды утекло с тех пор, как в Центральном детском театре поставили вы свой первый спектакль — «Димку-невидимку». Тогда для старых, маститых актеров было огромным наслаждением следить за вашей игрой. Но вот уже четверть века, если считать с «Современником», вы отрываете себя от более активной актерской деятельности для режиссуры. Не проигрывает ли в вас актер Ефремов, ощущаете ли вы как актер этот проигрыш?

— Тут уж ничего не поделаешь, так распорядилась судьба. Конечно, когда вспоминаю первые восемь лет в Центральном детском театре, когда я режиссурой еще не занимался, то думаю, что это, наверно, были очень счастливые годы Ефремова-актера. Но все равно я не смог бы сейчас уже не быть режиссером и огромное удовлетворение получаю и от этой работы.

И все-таки я ведь что-то играю... Жаль, что, конечно, из-за занятости своей не могу полноценно работать в кино, хотя «ухитрюсь» играть и там.

А в общем, не надо уж так разделять актерство и режиссуру. Они тесно взаимосвязаны. Впрочем, о судьбах людей театра легче бывает судить по другим. Так вот, я думаю, что если бы Анатолий Эфрос был еще и актером (а в том, что он мог бы быть интересным актером, не сомневаюсь), то он был бы счастливее. Правда, он не написал бы тогда своих книг: просто не хватило бы времени...

— Вас сравнивали с артистом Хмелевым. Как вы относитесь к такому сравнению? Что в нем, на ваш взгляд, справедливого, нет ли здесь преувеличения?

— Знаю: сравнивала Кнебель — первый мой режиссер в Центральном детском театре. Для нее интересно было такое сопоставление, а мне трудно судить, насколько оно справедливо. Но я помню и то, как Мария Осиповна относилась к Хмелеву, считая его одним из лучших ее современников. Поэтому такая оценка очень обязывает меня. И еще она дорога тем, что такое сравнение в значительной степени подкрепляет мою тенденцию в творческой работе: опираться на современность.

— Но, кроме современности, вам дорога и история. В разное время вы сыграли Желябова в «Народовольцах», Николая I в «Декабристах» (театр «Современник»), Пушкина в «Мадонной бабушке» (МХАТ). Что для вас было главным в постижении каждого образа?

— Независимо от того, кого играет актер, будь то роль в классическом репертуаре или в современной исторической драме, главная забота все равно в том, для чего играть эту роль сейчас, насколько современно она звучит сегодня. И каким образом соотносится эта роль, об-

раз с так называемой сверхзадачей спектакля, то есть с его основной идеей.

Поэтому для постижения, например, образа Николая I, для правдивой его передачи зрителю очень важно было понять, каков же был царь — человек, который мог обмануть таких замечательных людей, как декабристы. А в постижении образа Желябова важно было найти именно внутреннее противоречие между «словом и делом». Потому что террор, который народовольцы избрали своим делом, губил и их самих. И, конечно, правдивое выражение я искал, изучая образ нашего гениального поэта. Насколько он получился, судить, разумеется, не мне...

— А теперь о сегодняшних ролях. В пьесе А. Вампилова «Утиная охота» вы играете главную роль. Причем дублером вашим является А. Мягков. Такие разные актеры, вы — каждый по-своему — передаете образ Зилова. Очевидно, каждый из вас вносит в него какое-то свое видение?

— Не могу назвать Мягкова дублером. Еще когда я выпускал спектакль и сидел за режиссерским столиком, он уже сдавал эту роль художественному совету. И только когда за постановку спектакля взялся он, в роль Зилова вводился я. Поэтому понимание пьесы, трактовка спектакля и роли у нас с ним едины.

Но, конечно, мы разные Зилы — в силу наших индивидуальных особенностей, жизненного опыта. Поэтому у меня есть предложение к зрителю (смеется): посмотреть этот спектакль дважды — и с Мягковым, и со мной. Играли же царя Федора в Художественном театре Москвин, Добронравов, Хмелев... Это были разные спектакли, и каждого из них было интересно смотреть.

— А что ожидает зрителя в будущем сезоне? Каковы ваши планы?

— С режиссерским дебютом выступит Иннокентий Смоктуновский, который будет уже не играть царя Федора, а ставить этот спектакль. Причем инициатива постановки принадлежит ему. Как же можно было отказаться в такой просьбе нашему замечательному актеру?! Стоит также премьера комедии Мольера «Тартюф» в постановке режиссера моего поколения, с которым меня связывает давнишняя творческая дружба, — Анатолия Эфроса. И еще мне лично предстоит в будущем году ставить очень интересную, своеобразную пьесу, ставшую много новых задач, — «Перламутровую Зинаиду» Михаила Рошина.

В планах своих я имею в виду еще полнее «задействовать» нашу малую сцену. На ней в начале сезона зритель увидит премьеру спектакля «Отец и сын». Пьеса сделана Марком Розовским по известным произведениям Кафки «Письмо отцу» и «Приговор» и поставлена будет им же. Я очень рад, что такой интересный режиссер начинает работать во МХАТе. На этой же сцене состоится в будущем сезоне постановки режиссеров Романа Виктюка и Камо Гинкаса...

— Чувство поиска, любознательность всегда были характерными вашими чертами. Я знаю, что еще на заре артистической деятельности, играя в спектакле «Конек-Горбунюх», вы пытались у режиссера узнать, каким образом передать обаяние через маску. А сегодня вы это знаете. Раскрыт ли вами теперь секрет актерского мастерства?

— Думаю, что нет. Наше актерское искусство в лучших своих проявлениях до сих пор волнует истинных художников загадочностью самого процесса перевоплощения. По тому, насколько оно удается (я имею в виду не внешнее «кривляние», а действительное перевоплощение), можно судить о таланте актера, об «искре божьей» в нем. Ибо никакие технические приемы сами по себе еще не могут регулировать этот процесс. И поэтому каждый раз все происходит вновь. Отсюда и разговор о «загадочности» того или иного актера. Нет никакой загадочности. Есть каждодневный труд.

— Значит, не подошло еще время мемуаров?..

— Нет, еще время действия. Пока зрителю необходимы наша работа, наши спектакли, наши роли, пускай он судит о нас по ним. И только когда не будет сил для творчества, наступит черед мемуаров... Беседу вел В. ЛЕБЕДИНСКИЙ.